

4.4. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГОРОДА И СЕЛА В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ XX ВЕКА

В политическом разделе книги приходится отчитываться и за сегодняшний день, и за время В. П. Семенова-Тян-Шанского. Политическая жизнь начала века не могла его не волновать, но вряд ли вызвала у него профессиональный интерес. В. П. даже не включал политическую географию в круг географических наук (Полян, 1989, сс. 48–51), а ее предметом видел в основном геополитические сюжеты¹. При этом следует стремиться к тому, чтобы восстановить тогдашнюю политико-географическую реальность, как она виделась В. П. и его современникам. Она для нас куда важнее построений нынешних исследователей, которые, на сто лет опоздав пережить и прочувствовать то время, тем не менее самонадеянно определяли бы, «как было на самом деле», опираясь на сухую статистику и обрывки текстов того времени, показавшиеся почему-то наиболее подходящими и правдоподобными.

При описании давно прошедших политических явлений, которые уже «не переиграть», легче оторваться от собственных политических пристрастий, не «подгонять» свои выводы, пусть неосознанно, в пользу нравящегося политического течения. Чтобы картина не получилась плоской и однобокой, ее следует рассматривать с точки зрения разных политических сил, сравнивать соперничающие интерпретации. К тому же призывает пришедший из точных наук принцип дополнительности Н. Бора: чтобы описать объект наиболее адекватно, его нужно описывать во взаимоисключающих, дополнительных системах описания — тогда «недостаток информации компенсируется ее стереоскопичностью, возможностью получить совершенно иную проекцию той же реальности, перевод ее на совершенно другой язык» (Лотман, 1992, с. 45).

Другие разделы книги касаются тех сторон жизни общества, развитие которых можно описывать как эволюционную линию, пусть не гладкую, с крутыми изгибами и переломами, но все-таки непрерывную. Здесь мы имеем дело с традицией, оборванной на семь десятилетий и возобновившееся уже в совершенно других условиях. Значит, придется сначала описывать два отдельных явления (даже три, ведь политическая система после Февральской революции 1917 г. резко отличается от дореволюционной) и лишь затем искать пути их сравнения. Впрочем, как раз сопоставление первых двух десятилетий века с нашим, последним, выглядит подходящим и поучительным: они близки друг

¹ Географов, профессионально интересовавшихся политикой, выборами и партиями, в то время вообще практически не было. Исключение составил разве что известный работами по хозяйственному районированию А. Сковцов, который попытался оценить партийную борьбу по аграрному вопросу, тогда важнейшему для общества, с географической точки зрения. В основном политико-географические темы развивались, иногда удачно, политическими публицистами.

другу как периоды политического структурирования общества, становления партийной системы. Оба раза можно наблюдать, как нарождающийся партийный спектр «накладывается» на географическую структуру, как проявляются и закрепляются политические предпочтения разных частей страны.

Выборы в Государственную Думу 1906–1912 гг.

Возможности изучения выборов в Думу во многом определяются действовавшей тогда избирательной системой. Выборы в Думу были организованы по цензовым (т. е. зависящим от характера собственности и рода занятий) разрядам, обычно называемым куриями — землевладельцев, крестьян, горожан, фабрично-заводских рабочих (**табл. 4.4.1**). Выборы проходили в несколько ступеней, они были отдельными для избирателей разных курий вплоть до последней стадии — губернских избирательных собраний, на которых представительство каждой курии заранее устанавливалось избирательным законом. После быстрого роспуска первых двух Дум, оказавшихся слишком оппозиционными, в июне 1907 г. было принято новое положение о выборах. Оно в основном сохранило состав курий (только городская была разделена на два разряда), но изменило их представительство в губернских собраниях в пользу более зажиточных и лояльных — землевладельцев и первого городского разряда.

При том, что такая система выборов никак не отвечает сегодняшним представлениям о демократии², для изучения политических предпочтений по отдельным социальным группам, «в разрезе», она предоставляет даже лучшие возможности, чем современные избирательные системы. Другое дело — ограничения из-за невысокой сохранности результатов выборов, особенно их первых, низовых, стадий: только по выборам в третью Думу был выпущен подробный отчет МВД, в остальных приходится пользоваться разрозненными газетными и журнальными данными.

Чтобы убедиться в существовании географических закономерностей в поддержке основных политических сил на думских выборах, достаточно увидеть положенные на карту самые общие результаты — партийную принадлежность депутатов по губерниям (**рис. 4.4.1, 4.4.2**). Применение нового избирательного закона в 1907 г., которое привело к существенному изменению партийного состава депутатов, показало одновременно устойчивость политико-географической структуры, упорядоченных широтных и меридиональных изменений в политических предпочтениях.

Применительно к Европейской России начала века уместнее говорить именно о широтно-меридиональных градиентах, а не о районировании. Для авторов того времени ячейками пространства служили скорее не регионы с яркими индивидуальными чертами, а «клетки» на пересечении широтных и меридиональных полос, особенности которых определялись как раз наложением «поясных» характеристик. Топологически очень похожую схему рисует и В. П. Семенов-Тянь-Шанский в «Городе и деревне».

² Сама по себе архаичность избирательного закона не означает, что он был плохим для своего времени. Возможно, «четырёххвостка», всеобщее равное, прямое и тайное голосование, для того уровня политического и экономического развития страны была еще преждевременной. Заметим только, что думский избирательный закон не был новым и оригинальным, в основном он повторял порядок земских выборов, проводившихся с 1864 г.

Рис. 4.4.1. Партийный состав депутатов II Государственной Думы по губерниям

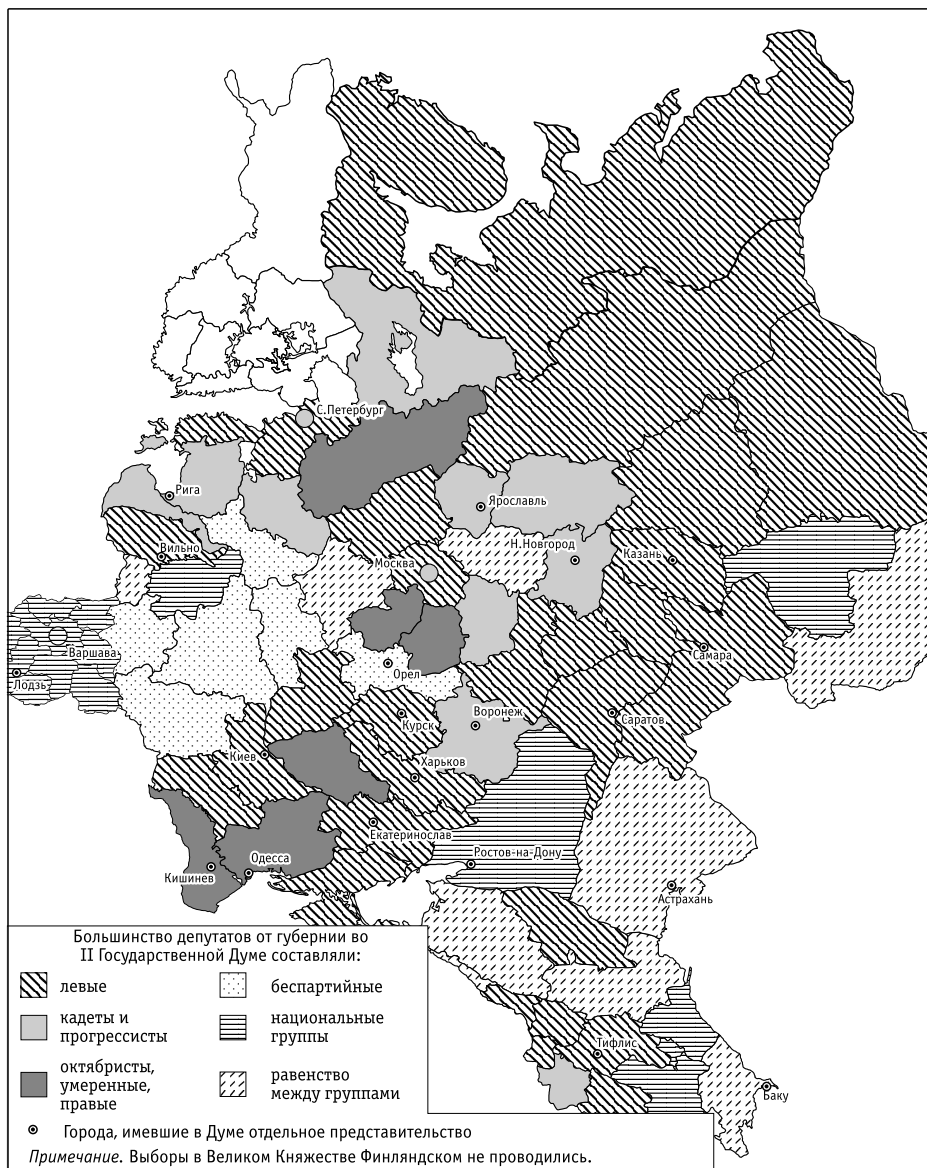

Рис. 4.4.2. Партийный состав депутатов III Государственной Думы по губерниям

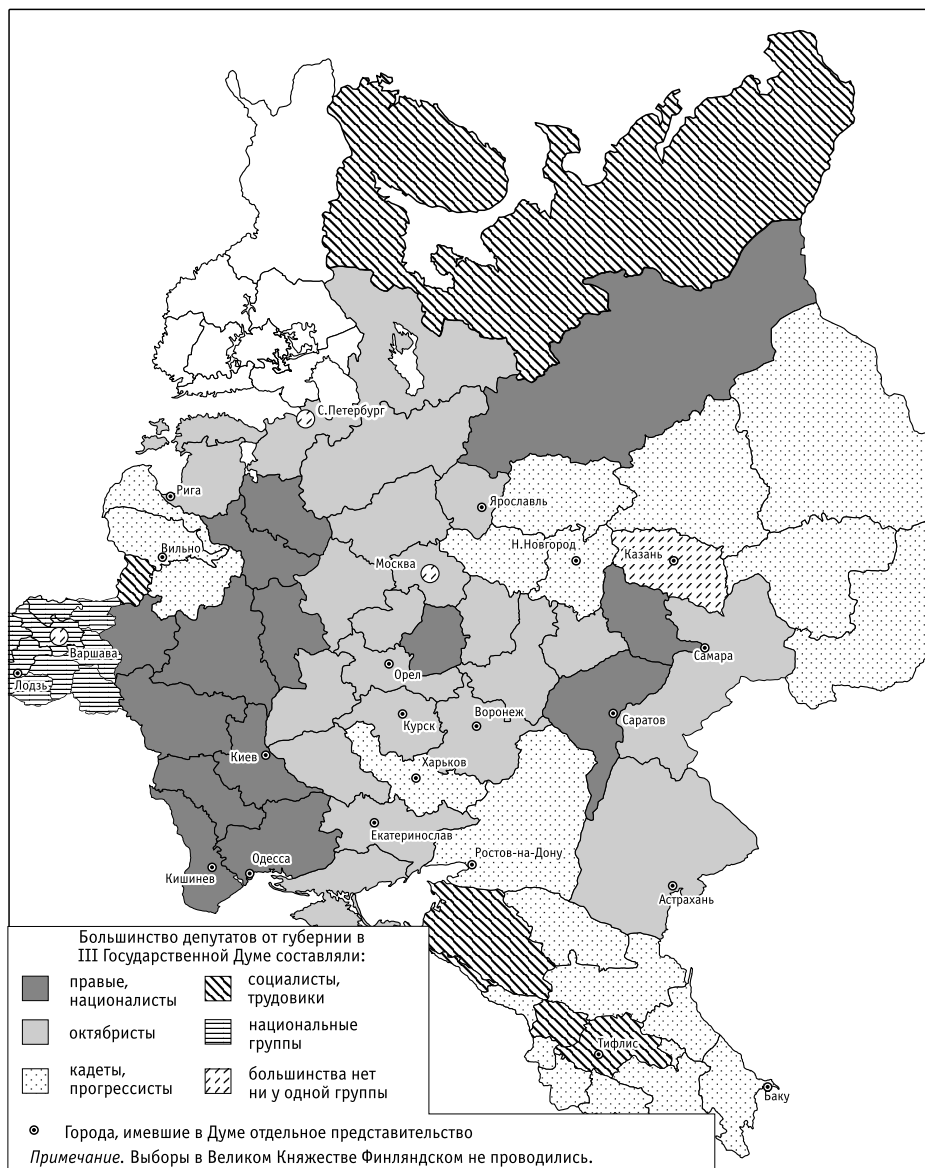

Таблица 4.4.1. Партийный состав выборщиков по куриям, 1906–1912 гг., в %

Тип городов	Социалисты-революционеры	Социал-демократы (меньшевики)	Социал-демократы (большевики)	Социалистический блок	Конституционные демократы	Национальные группы	Внепартийные группы
Губернские	18,3	6,4	6,8	38,5	14,3	3,7	12
Уездные	7,5	6	1,2	23,9	5,5	5,7	50,2

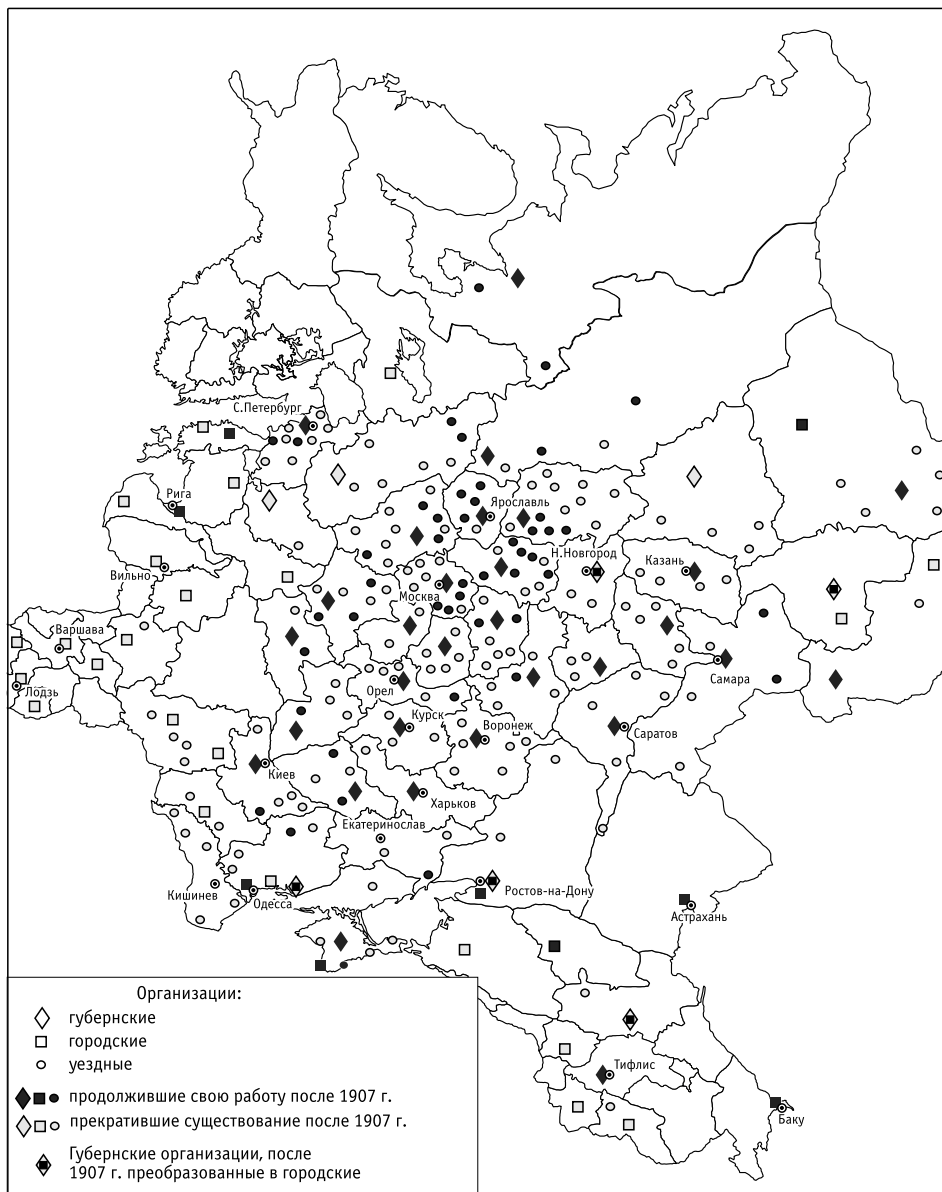
В стране с преобладанием сельскохозяйственных занятий, упорядоченных в соответствии с природной, а затем социально-культурной зональностью, выраженность зонально-поясных структур понятна и ожидаема. Широтный и меридиональный градиенты отражают с севера на юг различия между нечерноземной и черноземной полосами (с выделением на самом юге степного пояса нового освоения); с запада на восток — сменяющие друг друга полосы Западного края (большая его часть — в прошлом польские владения), центральной, «коренной» России и восточной, заволжской полосы более позднего хозяйственного освоения. Для политико-географического взгляда разница «север—юг» — это прежде всего различия между более *промышленной и аграрной* частями страны, «запад—восток» — различия, во-первых, между губерниями с частным, *подворным* и с *общинным* землевладением и, во-вторых, между и западными окраинами с сильным польско-еврейским влиянием и почти однородно русскими центром и востоком.

С запада на восток мы наблюдаем переход от преобладающей поддержки правых и русских националистов³ к более умеренным в центре и к самым левым на востоке. Влияние смены избирательного закона сказалось в том, что если на выборах по первоначальному положению роль умеренной силы, представляющей центральную полосу губерний, принадлежала кадетам, то по новому положению их место заняли более правые октябристы, а кадеты оказались оттесненными в восточную полосу, где они, в свою очередь, потеснили социалистов (еще восточнее, в сибирских губерниях, социалистические партии сохранили прежние позиции, оспаривая первенство с кадетами).

Линия раздела «восток—запад» проходила и внутри партий, что видно на примере кадетов и октябристов. Расхождения в кадетской партии по «проклятому» аграрному вопросу одинаково четко проявились на втором и третьем съездах партии в январе и апреле 1906 г. При разных действующих лицах оба раза повторялась та же картина: делегаты от великорусских губерний, прежде всего поволжских, черноземных и сибирских, критиковали аграрную программу партии как недостаточно радикальную, а представители западных губерний, наоборот, выступали против отчуждения земли у крупных

³ На ход выборов в Западном крае существенно влияли административное давление и использование приемов — как сказали бы теперь, административных технологий, в пользу русских (точнее, белорусских и украинских) избирателей против евреев и поляков (подробнее см. Титков, 1995), но для нашей задачи — проследить градиент изменения политических предпочтений — такие «вымученные» итоги выборов даже более показательны, так как позволяют не учитывать влияние национальных и культурных особенностей. Сама «несправедливость» результатов выборов в Западном крае тоже относительна, поскольку поляки и евреи составляли здесь все-таки явное меньшинство, хотя и более зажиточное, что давало им преимущество при цензовой системе выборов.

Рис. 4.4.3. Территориальные структуры Конституционно-демократической партии

собственников (противники отчуждения и национализации из Петербурга и Москвы тоже ссылались на настроения в Малороссии и Северо-Западном крае)⁴.

Тогда же на Первом съезде Союза 17 октября в феврале 1906 г. представители великорусских губерний (Тверской, Вологодской, Пензенской) требовали разрешения аграрного вопроса как первоочередного, но осторожное большинство съезда, прислушавшись к резким возражениям делегатов из Западного края, решило отложить детальную проработку аграрной программы на будущее, после обсуждения в местных отделах союза.

Другой причиной раздела стал «окраинный вопрос»: делегаты Западного края предлагали на выборах в Думу ввести квоты для русских депутатов, а когда большинство съезда решило, что такой порядок не отвечает принципу равноправия, вскоре отпали от партии (Партия «Союз 17 октября», 1996, с. 107–162; Шелохаев, 1987, с. 88).

Положенные на карту списки местных партийных структур кадетов и октябристов (собранные В. Шелохаевым) показывают, как со временем сеть партийных организаций у обоих сжималась, сохраняясь лишь в ядре их наибольшей поддержки (**рис. 4.4.3**). Обе партии к концу первого десятилетия одинаково лишились почти всех своих организаций в Западном крае. У кадетов сеть уездных отделений, тоже поредевшая, сохранилась только в нечерноземных губерниях, в Черноземье деятельность партии оказалась ограниченной губернскими городами. Октябристы в отличие от них выглядят «нечувствительными» к разделению на черноземный и нечерноземный пояса, что вполне объясняется их более умеренной и расплывчатой аграрной программой.

Широтные и меридиональные закономерности хорошо прослеживаются и при рассмотрении выборов по отдельным разрядам⁵. «Послойное» изучение выборов позволяет, с одной стороны, выделить особенности, свойственные каждой курии городских и сельских избирателей, с другой — ближе рассмотреть причины географических закономерностей смены политических предпочтений.

Землевладельцы

Землевладельческий класс имел самый длительный, не меньше полутора веков, опыт политической деятельности. Пространственные политические различия среди дворян-землевладельцев тоже проявились задолго до думских выборов, по крайней мере, со времени великих реформ 1860-х гг.: за освобождение крестьян были в основном средние землевладельцы нечерноземной полосы, против — крупные землевладельцы Черноземья.

В деятельности земств, по своему составу в основном дворянско-землевладельческих, прослеживались похожие закономерности: «носителями либеральной оппозиции и долгое время потом являлись земцы нечерноземных губерний (Тверская, Новгород-

⁴ Съезды и конференции..., 1997, с. 128–149, 281–334.

⁵ Выборы по рабочей курии как «азональные», т. е. проводившиеся только в губерниях с относительно развитой промышленностью, не выявили сколько-нибудь существенных пространственных различий — практически везде избирались выборщики крайне левых взглядов, поэтому они отдельно рассматриваться не будут.

ская, Московская и др.). Наоборот, земства черноземных губерний (до 90-х гг.) идут, как правило, в хвосте не только оппозиционного, но и чисто культурного движения» (Веселовский, 1909, с. 293).

На думских выборах различия «север—юг» проявились не менее отчетливо. На выборах во вторую Думу получалось, что «в то время как в промышленных губерниях более $\frac{6}{10}$ оппозиционных выборщиков и только $\frac{1}{3}$ правых, в губерниях землевладельческого центра черных выборщиков $\frac{8}{10}$ и оппозиционных только 18%»; причина различий виделась в том, что «землевладельцы северных и промышленных губерний далеко не те, что помещики нашего земледельческого центра. Первые в большинстве случаев если и ведут хозяйство, то не живут в имениях. Большинство или значительная часть помещиков этих губерний, не получая со своих экономий достаточных средств, вынуждены служить или становиться адвокатами, врачами, профессорами и т. п. Две души живут в их груди и аграрная душа часто пасует перед душой интеллигента. Понятно, что здесь-то мы и должны встретиться с помещиками кадетами, тем более, что слабое развитие крупного хозяйства и не особенно высокие арендные цены делают принудительное отчуждение не так уж убыточным» (Горн, 1907, с. 14–15).

Не менее, даже более заметным был раздел «запад—восток». Выборщики и депутаты западной полосы были существенно правее в аграрном вопросе — против отчуждения земель, за свободный выход из общины, и в национальном — против равноправия евреев, за национальные курии при выборах. Группа русских националистов из Западного края, включавшая и землевладельцев, и крестьян, была опорой правительства А. Столыпина в Думе.

Крестьяне

При переходе от землевладельцев к крестьянам, обнаруживаются те же основные линии раздела — «запад—восток» и «север—юг».

В первой Думе, куда большинство депутатов-крестьян прошло без партийных различий, с общими, казалось бы, настроениями «земли и воли», размежевание среди них шло прямо на глазах. Наглядное его описание оставил участник и затем историк Трудовой группы Л. Брамсон, адвокат и публицист из Ковно: «раньше всего различие сказалось на земельном вопросе. Крестьянским депутатам центральной и восточной России не трудно было столковаться по этому пункту: мысль о необходимости коренным образом разрешить вопрос путем принудительного отчуждения всех видов поземельной собственности и образования народного земельного фонда для предоставления земли в пользование лично обрабатывающих землю была для них не новою <...> Но в аудитории находилась часть депутатов, которая не сразу сдавалась на такое универсальное решение вопроса⁶. То были, прежде всего, крестьяне западных губерний: в виду слабо-

⁶ Показательны убежденность Л. Брамсона в существовании универсального решения аграрной проблемы и подразумеваемая им «недоразвитость» крестьян Западного края, оставивших общинные отношения в далеком прошлом.

го развития общинного быта и распространенности подворного владения, их смущал целый ряд соображений: и опасение перед возможностью уничтожения крестьянской частной собственности, и непривычный для местного крестьянства институт общинного пользования землею, незнакомство с практикой общинных переделов и многое другое <...> Полного единодушия по земельному пункту так и не удалось достигнуть, и после принятия этого пункта многие депутаты (часть крестьян западной полосы, литовские ксендзы, остзейцы) перестали посещать собрания группы. Другим спорным пунктом, на котором часть примыкавших сначала депутатов опять разошлась с организаторами группы, был вопрос *национальный* <...> Из среды «еропкинских» крестьян, до того продолжавших усердно посещать собрания, поднялось несколько человек и указывало, что <...> «нельзя же жидов во всем равнять с нами» <...> Кончилось тем, что пропасть между группой и настоящими еропкинами после этого еще более углубилась. На дальнейших собраниях уже не досчитывались человек 20–30, прочно засевших впоследствии в правый угол думского зала» (Брамсон, 1917, с. 15–17). Сравнение с проходившим тогда же на съездах кадетов и октябристов заставляет только удивляться, насколько сходным образом географические различия, «власть земли», проявлялись в настолько разных слоях общества.

По всем наблюдениям современников, «правое крестьянство концентрируется в определенном районе северо-запада и Новороссии, спорадически встречаясь и в других местностях. По-видимому, сложившийся строй подворного и частного землевладения позволяет не только отслоиться группе «крепкого» крестьянства, но и облегчает ей приобретение влияния над массой. Община, как то признал депутат социал-демократии Алексинский во второй Думе, не только способствует организации массовых экономических движений, но и объединению масс при политических выборах» (Горн, 1907, с. 21), а «клич „земли и воли“, столько раз повторявшийся в Думе представителями крестьян центральной и восточной России, ни разу, кажется, не был произнесен депутатами от западных крестьян и даже вообще от западных областей» (Скворцов, 1906, с. 23).

Советский историк «школы Покровского», неплохо знавший дореволюционную политическую публицистику, замечал, что «если же мы проследим борьбу в зависимости от процесса распада общины, то окажется, что левые пользовались успехом в двух крайних районах: трудовики — там, где община еще жива, с.-д. — там, где она уже разрушена, т. е. где имеется сельскохозяйственный пролетариат. Что же касается районов крупной земельной собственности, то они дали значительный процент правых» (Томсинский, 1924, с. 17). Различия «север—юг» проявлялись в большем влиянии на юге крайних левых течений (и крайне правых — тоже), а на севере — более умеренные настроения, большее влияние кадетов. По воспоминаниям П. Милюкова, в кадетскую фракцию из крестьян входили «все солидные, дельные люди из северных губерний» (Милюков, 1991, с. 245).

Дополнительные штрихи к географическим различиям в политическом поведении крестьян дают массовые крестьянские выступления, особенно сильные в 1905–1907 гг. В них опять отчетливо проявилась разница между западными и великорусскими губерниями, между черноземными и нечерноземными (рис. 4.4.4, 4.4.5).

По свидетельству А. Скворцова, «аграрные беспорядки в той или иной форме были за последнее время в очень многих областях, но выражались они весьма различно. Если всмотреться в то, что происходило в Польше и вообще в западных губерниях (исключая прибалтийского края, где борьба протекала на иной почве), то мы заметим, что аграрные беспорядки этой полосы носят характер недовольства батраков и наемных рабочих вообще и, по существу выдвигаемых демонстрантами требований, эти беспорядки совершенно тождественны с рабочим движением в городах: речь идет ни больше, ни меньше, как об увеличении вознаграждения и об улучшении обстановки рабочих, но *никакого требования увеличения площади землевладения со стороны крестьян совсем не замечается* <...> Но и в юго-западных и вообще малорусской области, — требования, предъявляемые крестьянами, сводились чаще к увеличению рабочей платы или к сохранению всей работы, предлагающейся крупным хозяйством, за местным населением, вместо призыва рабочих со стороны; требование о передаче земли являлось исключением» (Скворцов, 1908, с. 3–5). Забастовки вскоре, уже в 1906 г., переходят и на центральные губернии, но «распространившись на восток, на центрально-земледельческие губернии, забастовочное движение изменило свой характер, поставив себе целью прямую борьбу за землю» (Прокопович, 1912, с. 82).

С другой стороны, «массовые потравы, увоз сена с лугов и хлеба с полей, а также разборка экономий преобладали в черноземной полосе. Причина подобного влияния черной земли кроется, по-видимому, в особенностях сельского хозяйства в этой полосе России. В черноземных губерниях, за исключением юго-западных и малороссийских, у нас собственно не ведется правильного хозяйства: и помещики, и крестьяне ограничиваются эксплуатацией земли в буквальном смысле этого слова, расхищением ее природных сил <...> При подобном строе хозяйственных отношений у крестьян нет особого уважения к собственности помещиков. Там земля родит сама, — не труд дает доход, а земля; кто владеет землей, тот сыт и богат, у кого нет земли, тот нищ и голоден. Получаемый землевладельцами доход не соответствует сделанным затратам капитала и труда; поэтому, в глазах крестьян, право собственности помещика на землю не имеет оправдания <...> Отсюда известная предрасположенность к нарушению прав собственности, отсутствующая в нечерноземной полосе» (Прокопович, 1912, с. 65). В полосе нового освоения, южных и юго-восточных губерниях, «где не так давно земля была еще вольной», особенно распространены запашки и захваты частновладельческой земли (там же, с. 65).

Выступления крестьян черноземной полосы, гораздо более острые и разрушительные, намного чаще приводили к столкновениям с полицией и войсками (рис. 4.4.5). Примечательно, что еще в 1903–1904 гг., до всплеска крестьянских выступлений, именно в губерниях черноземной полосы раньше других была введена полицейская стража для подавления возможных беспорядков (Веселовский, 1909, с. 37) — взрыв, очевидно, предвидели, к нему готовились.

В отличие от черноземной полосы, в центрально-промышленных губерниях более распространенными оказались выступления с отказом от уплаты податей — чисто политическая форма протеста (Прокопович, 1912, с. 65). Кроме того, нечерноземные губернии

Рис. 4.4.4. Сельские забастовки в 1905 г.

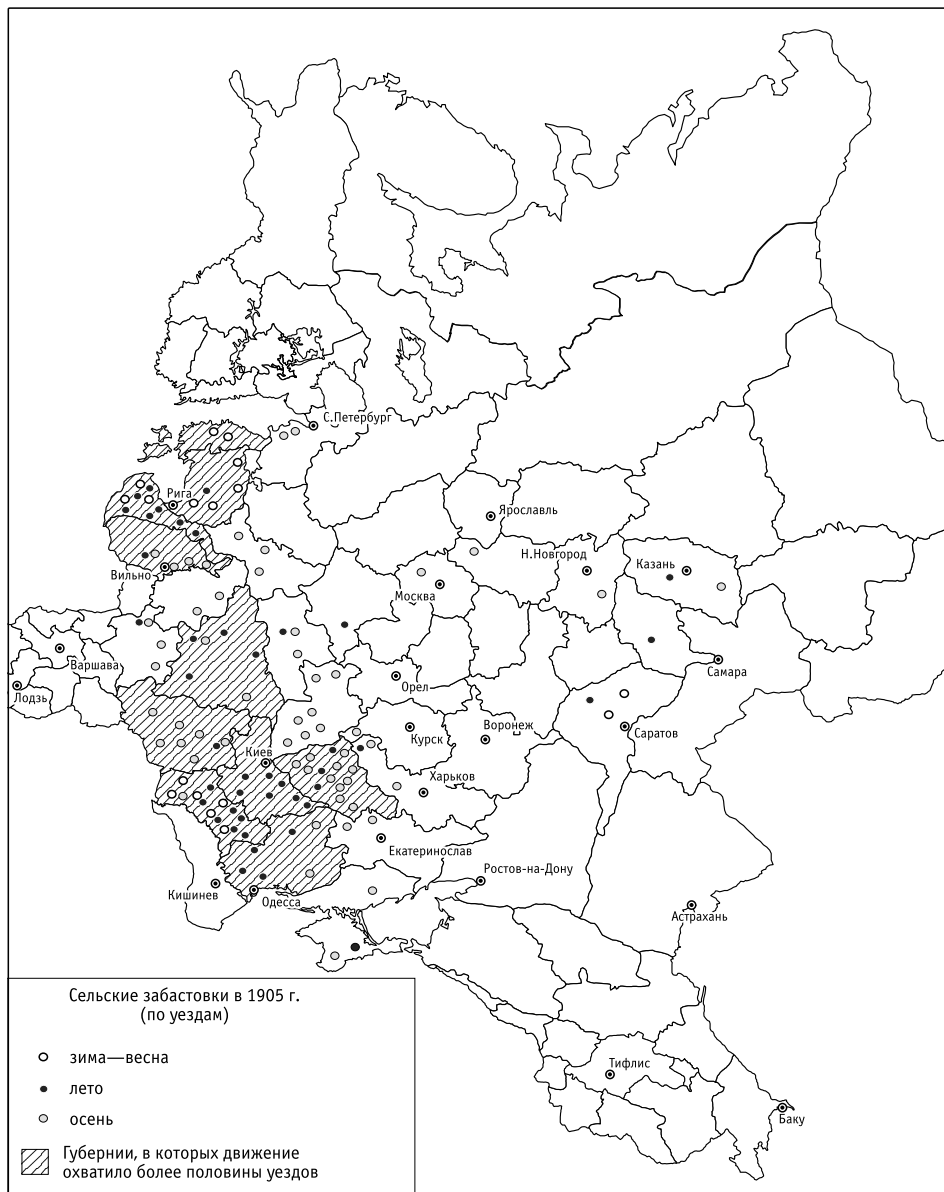

Рис. 4.4.5. Сельские забастовки в 1906 г.

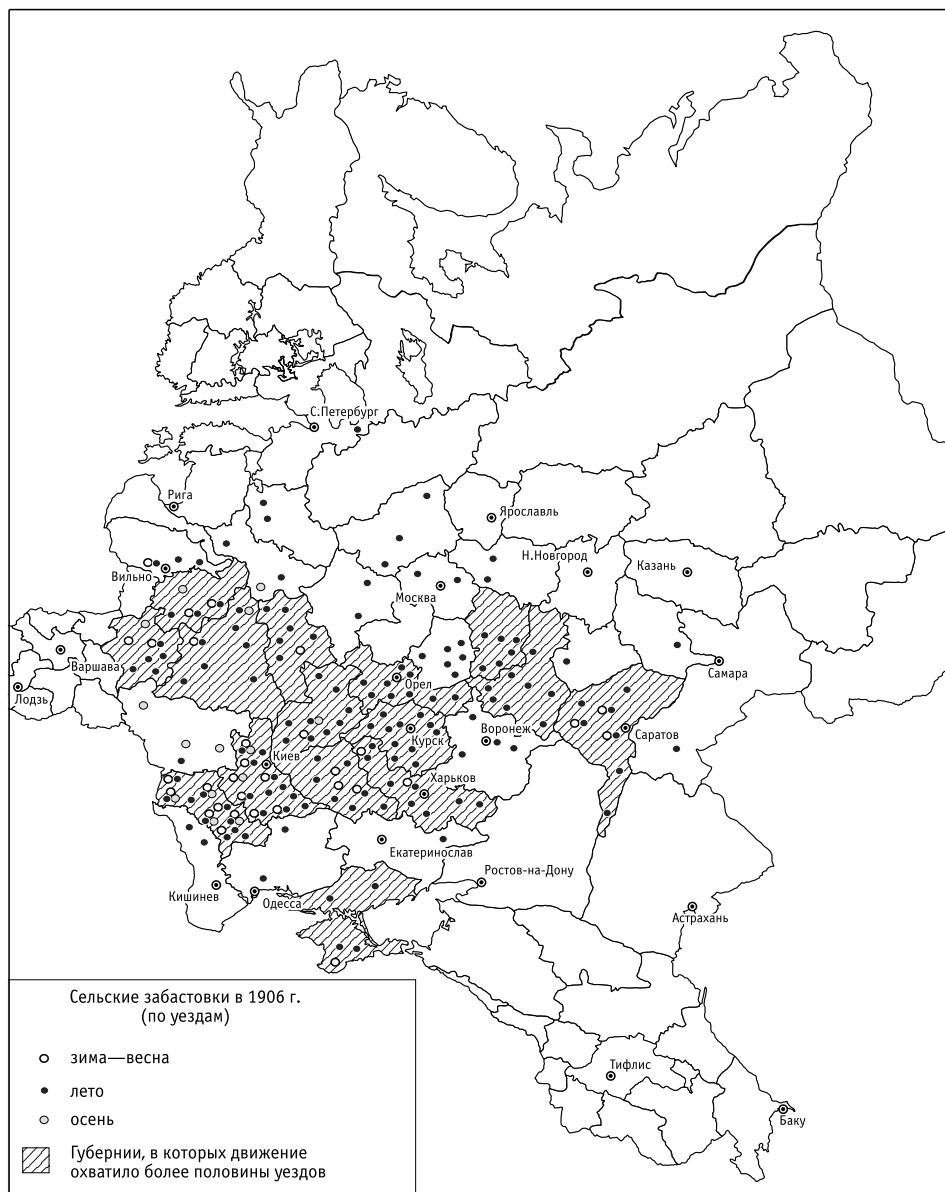
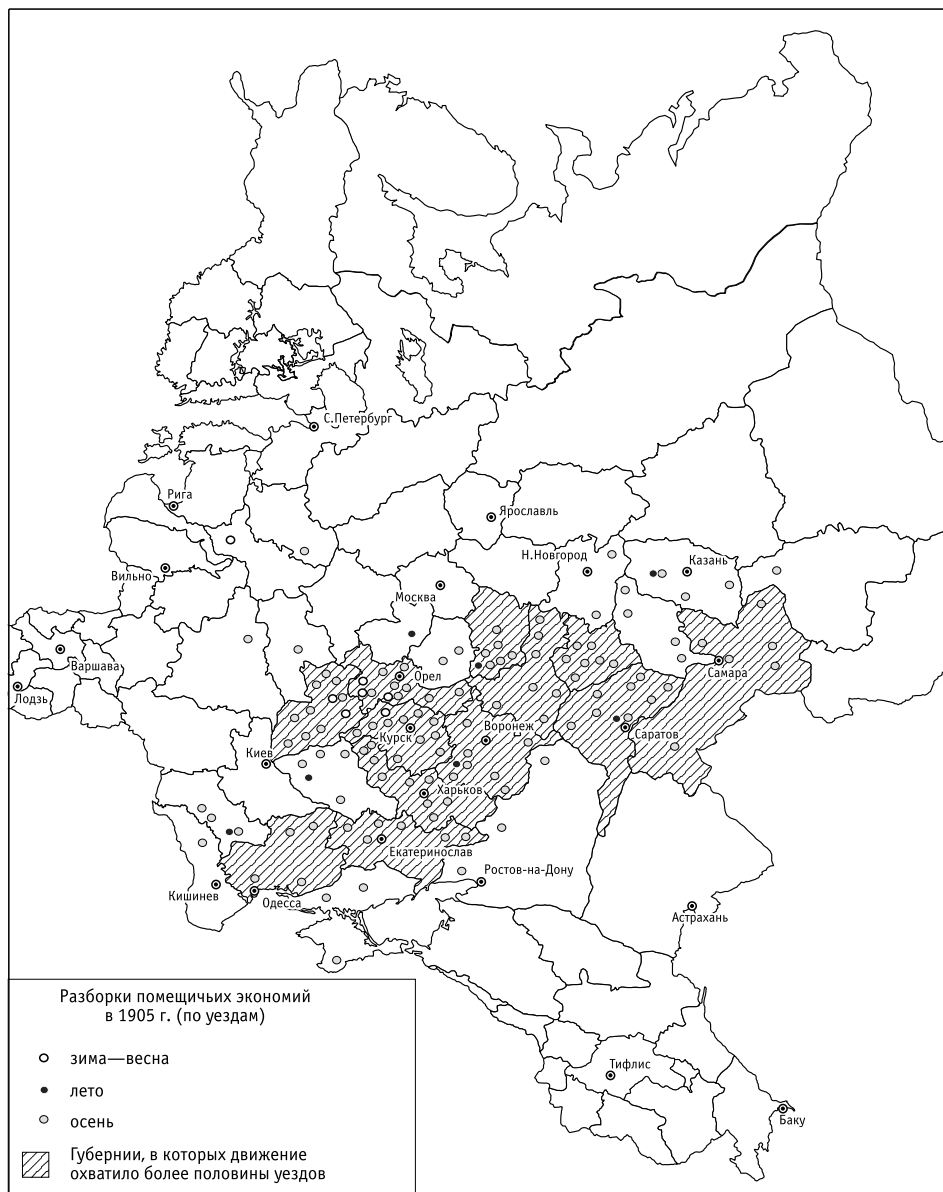

Рис. 4.4.6. Разборки и разрушения помещичьих экономий в 1905 г.

дали больше заявлений и ходатайств к Думе, принятых на сельских сходах. При этом северные губернии отличались более умеренным, мирным характером таких заявлений, большей нацеленностью на местные нужды, а в районах, сильнее охваченных аграрной борьбой, заявления принимались более резкие, чаще составлялись в форме требований, а не ходатайств, чаще выдвигались общеполитические требования (Першин, 1966, с. 244).

Горожане

Города воспринимались как носители всего передового, прогрессивного, представители «прогрессивных» партий боролись за право считаться выразителями мнения горожан и упрекали правые, «реакционные» партии за недостаточную поддержку в городах — примером тому памфлет в кадетской газете «Речь»: «Когда летом где-нибудь в Новгородской губернии выходишь на полотно железной дороги — встречаешь обыкновенно каких-то оборванцев, которые уныло считают шпалы и бредут из Петербурга неизвестно куда. Это столичные отбросы, люди, «лишенные столицы». Крестьяне их называют «стрелками». В таких лишенных столицы стрелков обратились и народные представители, принадлежащие к правому большинству. Столицы с отвращением от них отвернулись. Отвернулись столь демонстративно, что сторонним людям даже как-то неловко» (Философов, 1912).

Борьба за влияние на городских избирателей шла между кадетами и социалистами, прежде всего социал-демократами. И те, и другие старались доказать, что более достойны представлять горожан, и разными путями пытались представить свои городские победы более значительными, а успехи соперников принизить и преуменьшить, что вело к «конфликту интерпретаций» результатов голосований⁷.

Городские выборы заслуживают отдельного рассказа, но здесь заметим только, что для них характерны те же зональные изменения с запада на восток и с севера на юг, что

⁷ По кадетским оценкам, «решительно повсюду, везде, где мы знаем, кандидаты левых проходили только там, где не было соперничества к-д.: преимущественно в небольших городах, с скудным запасом интеллигентных сил: в Кемии Арахангельской губернии, Енотаевске — Астраханской, Сороках — Бессарабской и т. д.» (Смирнов 1907, с. 204). При том сам А. Смирнов перечисляет победы левых в Нижнем Новгороде, Саратове («но Саратов — особый город, совсем не похожий на другие города»), Екатеринодаре, Ставрополе, Благовещенске, Омске, Владивостоке, но делает их как бы не значимым замечанием, что там выборы «не носят на себе следов партийной борьбы прогрессивных партий» — т. е. там кадеты не могли серьезно противостоять социалистам.

Похожие приемы объяснений использовали левые: «случаи поражения социал-демократии относятся главным образом к небольшим городам, причем в трех из них к.-д. поддерживались довольно сильными еврейскими группами. Семь других городов, где социал-демократия одержала победу — все сравнительно крупные города с значительным процентом участия избирателей в выборах, с оживленной предвыборной агитацией. Города эти следующие: Новороссийск, Харьков, Феодосия, Керчь, Екатеринбург, Нижний Новгород и Иркутск» (Левицкий, 1912, с. 92). Очевидный перевес кадетов в больших городах, особенно столицах они объясняли «форой», полученной кадетами на первых выборах, которые бойкотировали социалистические партии, и приходили к выводу, что «кадетская победа в крупных городах далеко не бесспорна. Московские и петербургские приказчики могут и должны дорасти в своей массе до того понимания своей принадлежности к пролетариату, которое в 1907 г. проявили их рижские и одесские коллеги» (Мартон, 1912, с. 10).

для сельских курий. В том, что городские предпочтения тоже подстраиваются под природно-сельскохозяйственные градиенты, мало удивительного при общем аграрном характере страны, определявшем существенную «аграрность» политической жизни: «выборы в первую Думу везде проходили при лозунге: земли и свободы, земли и прав, земли, земли! Так было не только в деревнях, но и в городах, в самой Москве <...> И правы были московские избиратели, которые на вопрос, за кого они подают голос, отвечали: за крестьян, за землю, и шли подавать голос за партию народной свободы» (Якушкин, 1907, с. XII). Забегая вперед — и в нынешней «городской» России зональные градиенты просматриваются отчетливо.

Политико-географические особенности послереволюционного периода

После марта 1917 г. получилась совершенно новая расстановка сил, совсем иные, «как в другой стране», проблемы. Голосования 1917–1918 гг., их географические особенности приходится описывать как отдельное самостоятельное явление. Дело не в том, что люди вдруг стали «думать по-другому»: чтобы обнаружить преемственность с результатами думских выборов, достаточно партийный состав выборщиков по куриям пересчитать с учетом их численности или без такого пересчета просто вспомнить левый состав второй Думы. Но партийная система по сути создавалась заново: социалистические партии, при цензовых выборах занимавшие нишу крайней левой оппозиции («вся сволочь левее кадетов», по известному выражению В. Шульгина), в новых условиях должны были занять и поделить большую часть политического спектра. Одни из недавних врагов власти сами становились государственниками и оборонцами, примеряя роль правых и умеренных (прежде всего кадеты, вскоре ставшие «оппозицией справа», затем основная часть эсеров и меньшевиков), другие, как большевики, оставались непримиримыми «якобинцами».

Полнее всего послереволюционная система проявилась на выборах в Учредительное собрание, результаты которых, пусть до сих пор неполные, служат главным источником для изучения политических предпочтений того времени.

В советской традиции осмысление итогов выборов, в том числе их географической составляющей, ограничилось известной полемикой В. Ленина с эсером Н. Святыцким. Цель Н. Святыцкого — показать, что «народ российский вверил свою судьбу социалистам-революционерам» — вполне достигалась простой демонстрацией итогов выборов. Географическая часть исчерпывалась обзором по крупным регионам, который тоже подтверждал первенство эсеров (Святыцкий, 1918). Статья В. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» получилась заметно более «географичной». Наверно, можно вообще вывести общим правилом, что более четкая и подробная географическая картина строится именно стороной, проигравшей выборы. Географический способ объяснения лучше других дает возможность «возместить» проигрыш в голосах доказательством качественного превосходства своих сторонников над про-

тивниками — описать с положительной знаковой оценкой территории, где «свои» получили большинство, и с отрицательной — где они оказались в меньшинстве. С таким же пришлось столкнуться, например, при изучении интерпретаций итогов апрельского референдума 1993 г. (Титков, 1999). Основные выводы ленинской статьи стали лозунгами и афоризмами: «город обязательно ведет за собой деревню, деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс из „городских“ классов сумеет вести за собой деревню», «решающий перевес сил в решающем месте в решающее время» (Ленин, т. 40, с. 5). Города, особенно столицы, определялись как место наиболее острой классовой борьбы, как главные бастионы и пролетариата, и буржуазии.

Из зарубежной литературы выделяется работа О. Радки, который сравнивал результаты голосования по губерниям-«ключам», представлявшим разные районы страны. Созданная О. Радки объяснительная модель проста: результаты выборов определялись соотношением городского и сельского населения, развитостью промышленности, близостью фронта и величиной военного гарнизона; отклоняющее влияние оказывал только национальный состав населения⁸: «редко когда можно обнаружить столь полное соответствие между политическими, географическими и экономическими факторами» (Radkey, 1956, p. 25).

В Петрограде и Москве замечено, вслед за В. Лениным, «парадоксальное совпадение бастионов влияния большевиков и кадетов» (Radkey, 1956, p. 35). Проведенные позднее подсчеты результатов выборов по разным типам городских поселений подчеркивают «крупногородской» характер кадетов, чья поддержка падала от столиц к мелким городским поселениям; обратное распределение прослеживалось у эсеров и меньшевиков, особый тип распределения с минимумом в городах получился у большевиков (Протасов, 1997, с. 216).

Несмотря на короткий, меньше года, срок жизни «Первой республики», ее можно не только изучать как одномоментный срез, но и анализировать в динамике. Дополнительный материал дают местные выборы апреля-августа 1917 г.: выборы в городские думы, уездные и волостные земства. Борьба на этих выборах была в основном общеполитической, местные хозяйственные вопросы занимали на них второстепенное место (табл. 4.4.2).

Зависимость результатов тех выборов от типов городов описал их современник. В. Гремяченский, располагавший результатами из полусотни городов⁹. В маленьких уездных городах «бросается в глаза преобладание цензовых элементов», «промежуточные демократические группы собрали вокруг себя пролетарские элементы», роль политических партий невелика (1997, с. 160–161). В «средних городах», в основном губернских центрах, отмечается «ослабление цензовых элементов и усиление пролетарских,

⁸ Соотношение голосов между большевиками и эсерами последовательно изменялось в пользу последних от центрально-промышленной Владимирской губернии к «озерной» Новгородской — сельской, но близкой к столице, затем к черноземной Курской, где поддержку большевикам давали в основном солдаты, и, наконец, Томской, которую практически не затрагивало влияние промышленных центров и фронта. Другие «ключи», Витебская, Казанская, Полтавская, Естлянская губернии, различались прежде всего разной степенью влияния национальных движений.

⁹ Списки, принимавшие участие в выборах, он разделил на «цензовую», «демократическую» и «пролетарскую» группы: первые две позже назвали бы «буржуазной» и «мелкобуржуазной», в третью вошли списки партий эсеров, большевиков и меньшевиков и Советов рабочих и солдатских депутатов.

Таблица 4.4.2. Общие результаты выборов по 267 городам
(по: Руднев, 1918, с. 138)

Состав выборщиков губернаторских собраний от основных курий на выборах в I–III Думы										
	От волостей			От землевладельцев			От горожан			
	I	II	III	I	II	III	I	II	III (1)	III (2)
Левые	–	25,1	18,0	–	4,7	1,3	–	24,9	4,3	17,9
Конст.-дем.	3,7	4,7	4,3	11,6	8,8	5,3	38,5	37,5	27,5	39,3
Прогрессивные	10,5	25,4	15,1	14,6	10,7	8,8	14,7	21,2	13,8	18,5
Умеренные	–	7,1	8,8	–	5,7	5,0	–	0,8	4,3	3,9
Союз 17 октября	8,0	1,9	1,2	9,1	18,2	17,9	9,5	4,2	15,9	3,7
Правые	5,1	24,5	32,9	16,7	47,3	55,1	6,8	9,3	31,2	12,7
Беспартийные, нет сведений	79,9	11,2	19,9	48,0	4,6	6,6	30,5	2,1	2,9	4,1

Составлена по данным журнала «Вестник Партии народной свободы».

обладающих в думах большинством», энергичное участие партий: объединение «цензовых элементов» вокруг кадетов, перевес эсеров над социал-демократами там, где не было единого социалистического блока; большевики стояли почти везде обособленно, собирая по 5–10% голосов (там же, с. 163–164). Торговые города отличались в основном слабым влиянием кадетов, «надо думать, вследствие меньшего культурного уровня этих городов» (с. 165), промышленные города — еще большим преобладанием пролетарских партий, в основном большевиков и меньшевиков, между которыми и шла основная борьба (с. 166).

Последние выборы перед установлением однопартийной системы прошли на Пятом съезде Советов в июле 1918 г., где с большевиками (66% депутатских мест) соперничали левые эсеры (31%). По оценке советского историка, «левые эсеры преобладают в уездах Воронежской, Орловской, Пензенской, Тамбовской губерний (центрально-черноземный район), в некоторых губерниях нечерноземного центра: Костромской, Калужской, Рязанской, Тверской, Ярославской, а также в Смоленской, Псковской и Новгородской губерниях. Это были слабообразованные в промышленном отношении губернии с сильно кулацкой прослойкой» (Егорова, 1968, с. 8). Тогда жесткое столкновение на съезде, мятежи в Москве и Ярославле положили конец двухпартийной коалиции, вскоре многопартийность затухла совсем. На местных выборах 1920 г. в крупных рабочих городах (Харьков, Ярославль, Москва и др.) в последний раз прошли в депутаты меньшевики (Карр, 1990, с. 149).

Позже на выборах в Советы, уже без партийной борьбы, разница между городскими и сельскими избирателями продолжала проявляться в уровне явки, причем участие горожан было выше: с 36,2% против 22,3% в 1922 г. до 91,6% против 83,3% в 1934 г. На-

чина с 1937 г. стерлись и эти различия: общим правилом стали отчеты об участии свыше 99% и такой же единодушной, свыше 99%, поддержкой кандидатов (White, McAlister, Rose, 1997, p. 8–11).

Политические предпочтения города и села в голосованиях 90-х годов

Современные голосования, к счастью, не нуждаются в подробном описании правил, участников, результатов — они и так на виду и в памяти, им посвящены многочисленные публикации. Здесь достаточно рассмотреть подходы современной политической географии к кругу вопросов, интересовавших В. П. Семенова: различия между городом и селом, между разными типами поселений, соотношение зональных и азональных факторов.

Соотношение городского и сельского населения с самых первых исследований по географии современных российских выборов виделось самым важным показателем, объясняющим результаты голосований.

Доклад Центра политико-географических исследований в 1992 г., оценивая контрасты «город—село» как чрезвычайно сильные, считает, что доля городского населения как интегральный показатель объясняет до $\frac{2}{3}$ всех различий в поведении регионов на выборах (Петров и др., с. 50). О еще большей значимости этого показателя заявляли А. Собянин и В. Суховольский: «основным показателем, определявшим в течение 1991–1993 гг. характер голосования отдельного региона, является такой параметр, как доля городского населения в регионе. В значительной степени верна гипотеза, согласно которой результаты голосования определяются «медленными» параметрами, такими, как тип культуры избирателей (городской или сельский). Возможное воздействие на результаты голосования «быстрых» переменных, таких, например, как уровень доходов избирателей, значительно менее сильно», они объясняют не более чем 10–15% результата (Собянин, Суховольский, 1995, с. 144–145).

Позднее, после президентских выборов 1996 г., появились выводы об уменьшении, «смазывании» объяснительного значения фактора «город—село» на фоне растущих межрегиональных различий¹⁰. Тем не менее соотношение между городским и сельским населением по-прежнему считалось главным объяснением, что подтверждалось в основном результатами корреляционного анализа (Анализ тенденций, 1997; Петров, 1998; Туровский, 1996 и др.).

Зональные различия, прежде всего «север—юг» («эффект 55-й параллели») и в гораздо меньшей степени «запад—восток», тоже наблюдались и описывались. Уже выборы союзных депутатов 1989 г. показали разницу в политическом поведении севера

¹⁰ Особым явлением стала серия губернаторских выборов 1996 г., когда в целой группе областей проявилась инверсия «левый город — правое село», причем она носила тоже зональный характер, будучи приурочена к северному, нечерноземному поясу областей от Пскова до Магадана — в черноземных областях «красного пояса» оставалась «нормальное» соотношение левых и правых, города и села.

и юга, заметную тогда в выступлении первых секретарей обкомов, на севере гораздо менее успешном, в преимущественном выборе северян в пользу «простых», не из начальства, кандидатов, в повышенном на севере доле не участвующих в выборах и голосующих «против всех» (Весна-89, 1990). Вместе с красочными электронными картами «Меркатора» на президентских выборах 1996 г. в массовое сознание прочно вошел образ России, разделенной на «красную» южную часть и «синюю» северную (рис. 4.4.7).

Тем не менее большинство авторов заявляет о «вторичности» региональных и зональных различий. По Н. Петрову, «горизонтальная, географическая вариация на уровне регионов оказывается лишь проявлением более фундаментальной и всеобъемлющей вертикальной, иерархической вариации по основанию «город—село». Каждый регион характеризуется своим соотношением сельского и городского населения (а внутри городского — еще и крупногородского), что в конечном счете и определяет значительную часть вариации политических предпочтений» (Петров, 1996, с. 39). Для Р. Туровского «весь „секрет“ доминирования реформаторского голосования на севере и востоке страны и традиционалистского голосования на юге и западе заключается в том, что в определенных районах урбанизация выше и население моложе, а не в существовании неких „северных“ и „южных“ политических культур» (Туровский, 1996, с. 52). Такое соотношение объявлялось даже само собой разумеющимся: «макорегиональная география вторична, что, впрочем, и понятно: вряд ли кому-то придет в голову напрямую объяснять электоральную зональность климатической, лежащей в основе природно-ландшафтных зон¹¹» (Петров, 1998, с. 352).

Вопрос о «вторичности» или «первичности» зональных различий имеет смысл решать не как выяснение «что первее» с причинно-следственной точки зрения — так он слишком напоминает задачу о курице и яйце, а как сравнение внутрирегиональной («город—село», «центр—периферия») и межрегиональной вариации результатов.

Сравнение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации, определенных через дисперсии электоральных показателей по регионам и по административным районам, приводится Н. Петровым. Из сравнения аналогичных показателей за 90-е годы выходит, что «контрастность поддержки и демократов, и коммунистов на уровне регионов растет, что свидетельствует об усиливающейся пространственно-политической поляризации». На уровне районов и городов контрастность заметно сократилась по сравнению с 1991 г. и хотя в среднем остается выше, чем на уровне регионов, но разрыв между ними невелик, а в массиве «русских» краев, областей и городов федерального подчинения значения дисперсии практически сравнялись (Петров, 1998, с. 347–350). Увеличение роли региональных различий наглядно видно из «электоральных профилей» по линии Архангельск — Москва — Краснодар по результатам президентских выборов 1991 и 1996 гг. (рис. 4.4.8, 4.4.9). Из сравнения профилей заметно, что «внутрирегиональные различия существенно сгладились, а межрегиональные возросли. На севере село подтянулось до города, на юге город опустился до села. Про-

¹¹ Собственно, связь между природной зональностью и соотношением городского и сельского населения очевидна любому географу: климат, растительность и характер почв определяют условия для сельского хозяйства, которые в северной, нечерноземной полосе менее благоприятны, что привело здесь к более раннему переходу к занятиям промышленностью и торговлей, отсюда и большее развитие городской жизни.

Рис. 4.4.7. Типы политических предпочтений на выборах 1995–2000 гг. по избирательным округам

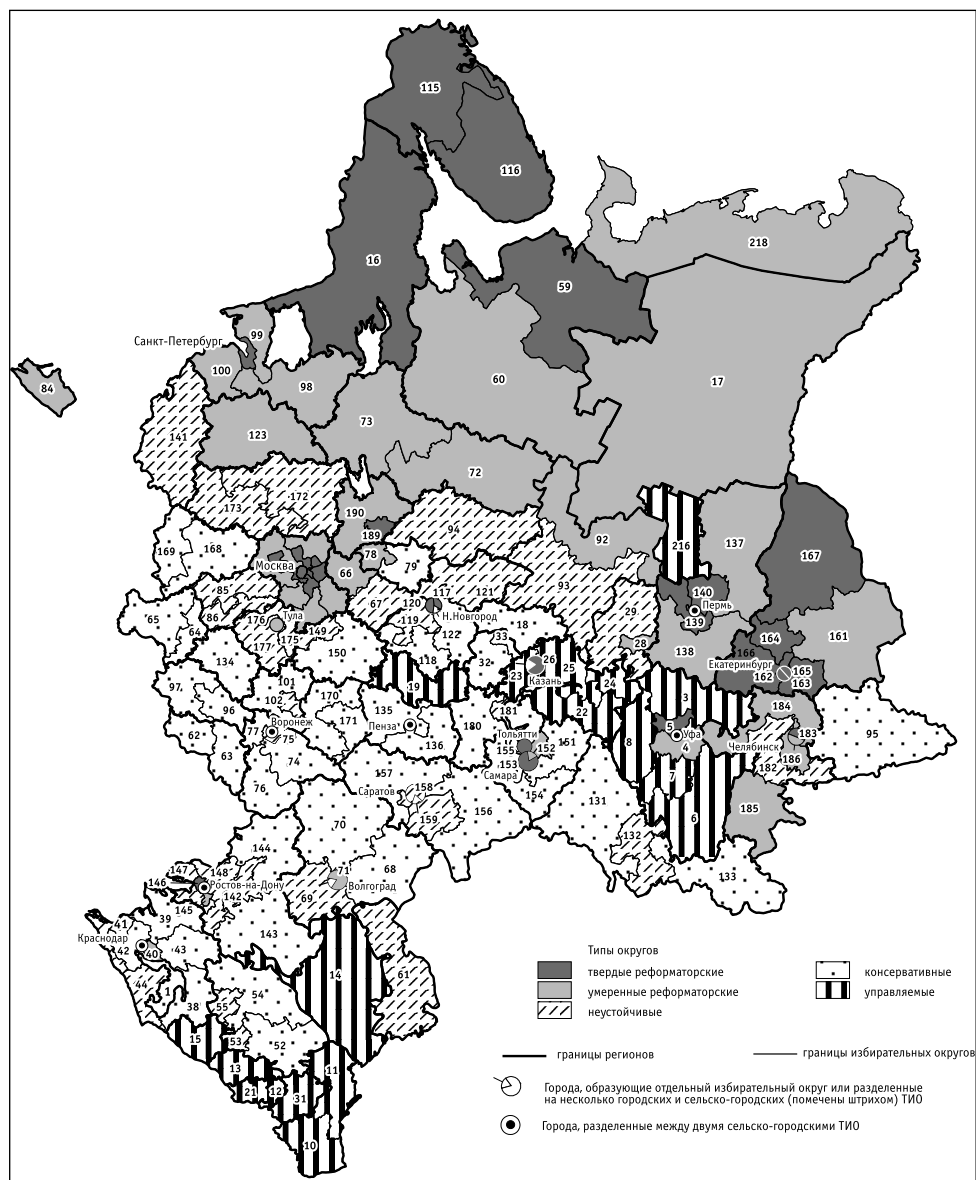
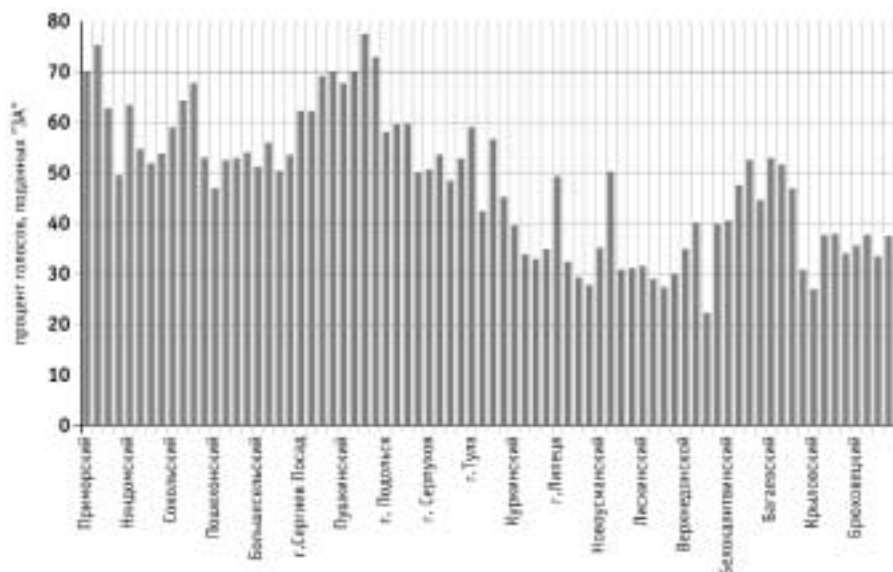

Рис. 4.4.9. Голосование за Б. Ельцина 3 июля 1996 г.
Профиль по линии Архангельск — Москва — Краснодар

«в некоторых случаях можно говорить о кристаллизации с усиленным консерватизмом или с усиленными консервативными тенденциями. Процесс такой кристаллизации, вероятно, продолжится» (Туровский, 1996, с. 52)¹³.

Таким образом, виден постепенный отрыв региональных отличий от фактора («город—село»): *«подтягивание» села к городу в «реформаторских» регионах и города к селу в «консервативных»*. Его основные механизмы — «эффект соседства» (neighbourhood effect), ориентация неустойчивых избирателей на преобладающие политические настроения и «политическая память» общества, заставляющая с большей и меньшей точностью воспроизводить на последующих выборах результаты предыдущих. Кроме того, влияет разная политическая история последнего десятилетия, разница в сложившихся политических режимах и институтах (Титков, 1999). Все это свидетельствует о превращении политическо-географической системы в самостоятельную, с собствен-

¹³ Позднее Р. Туровский, признавая деление на сельскую и городскую электоральные культуры «лишь первым и очень грубым приближением», попробует выделить в их рамках более дробные типы (Туровский, 1998, с. 360–367). Приводимые им типы культур, «только самые очевидные типы голосований», шесть городских и четыре сельских, при желании легко делятся на «зональные» — северный и южный типы в городской и сельской культурах и «казональные»: в городской культуре — столичный, полупериферийный, «интеллигентский» и «военный», в сельской — пригородный и республиканский.

ными закономерностями развития, перестает быть просто отражением социально-культурной или экономической структуры.

Сравнение прошлого и настоящего: устойчивость политико-географической структуры

В любом историческом описании никуда не уйти от сопоставления временных срезов, от проблемы преемственности. В нашем случае пути и способы сравнения подобрать не так просто. Прямые аналогии между политическими силами начала и конца века затруднены — в наше время сложилась другая система политических координат и идеологических разломов. Из всех партий прямую преемственность с началом века сохраняет только КПРФ, заявляющая себя продолжателем большевистского крыла социал-демократии.

Сравнение голосования за КПРФ и за большевиков начала века однозначно говорит о резких подвижках географической базы, отмеченных всеми, кто хотя бы поверхностно интересовался этой темой: «за 74 года, после всего, что случилось с Россией и россиянами за это время, в 1991 г. круг „замкнулся“, и уровень поддержки коммунистов практически совпал с показателем их поддержки в 1917 г. Но при этом ситуация в регионах России „перевернулась“ <...> Коммунисты сумели увеличить уровень своей поддержки в сельскохозяйственных регионах — но потеряли избирателей в промышленных городах и регионах <...> Можно рассматривать как парадокс истории тот факт, что коммунисты, на заре своей „электоральной истории“ поддерживавшиеся главным образом населением крупных городов, кончили тем, что из партии диктатуры пролетариата превратились в партию аграрной номенклатуры» (Собянин, Суховольский, 1995, с. 134–136).

«Сползание» избирательной базы коммунистов из крупных городов в аграрный пояс хорошо описывается моделью диффузии инноваций с центра на периферию. Контраст пространственных рисунков голосования за большевиков и за КПРФ служит географическим подтверждением предсказания А. Герцена, что «социализм разовьется во всех фазах до крайних последствий, до нелепостей <...> и снова начнется смертельная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией» (по: Лосский, 1991, с. 82). Консерватизм и традиционализм идеологических установок КПРФ очевидны и для политологов, и для избирателей, и для самой партии¹⁴.

Сходный опыт возвращения к свободным многопартийным выборам после полувекового перерыва пережили страны бывшего социалистического лагеря в Восточной Евро-

¹⁴ Сами коммунисты осознают произошедший сдвиг, о чем свидетельствует выступление Г. Зюганова на партийном пленуме в мае 1993 г.: «Мы однозначно проиграли там, где согласно всем теоретическим представлениям сосредоточена главная база коммунистической партии. Как ни горько признавать, но это промышленные области Центральной России и Урала, в которых проживает львиная доля населения, сосредоточен огромный отряд индустриального рабочего класса, крупнейшие культурные и научные центры» (Зюганов, 1993). При этом коммунисты по-прежнему определяют себя «передовым отрядом», носителями прогрессивной идеологии.

пе. Там оказалось, что сходная с российской расстановка, когда коммунистов и их наследников поддерживает село, а крупные города — праволиберальные партии, характерна для православных стран (Сербии, Болгарии, Румынии), а в странах западно-христианской культуры (Словения, Чехия, Польша) воспроизводится привычная европейская структура, в которой левые партии, как и либералы, получают поддержку в городах, а правоконсервативные партии — в основном в глубинке (Туровский, 1999, с. 299).

«Центр—периферия»

Пример географического подхода к сравнению дает В. Колосов: «Ряд особенностей географии выборов 1989–1991 гг. очень сходны с распределением голосов на выборах в Учредительное собрание в 1917 г. Два почти слившихся ядра регионов с инновативным поведением вокруг Москвы и Петрограда, вытянутые в северо-восточном направлении, полностью сохранились, изменилась лишь их периферия. Некоторые области Центра с обезлюдевшей сельской местностью стали относительно более консервативными, в то время как районы Севера и Сибири, «плавильный котел» российской миграции, приобрели радикально-инновативные черты (ранее инновативность выражалась в высокой доле голосов за большевиков и в целом за партии социалистического толка, в 1989–1991 гг. — в голосовании за оппозицию КПСС). Такая стабильность, безусловно, связана с фундаментальными условиями геопространства — исторически сложившейся географией процесса урбанизации, агоресурсов и сельского хозяйства» (Колосов, 1992, с. 38).

В. Колосова можно упрекнуть в тавтологичности: в обоих временных срезах за очаги инноваций принимаются одни и те же географические ареалы, причем в обоих случаях политические силы, имеющие поддержку в заданных центрах инновации, объявляются поэтому «инновативными» — и на основании этого делается вывод: «всё то же самое», инновативные центры как были источником инноваций, так и остаются. Политологу такое игнорирование политического, идеологического содержания должно показаться просто возмутительным. Между тем географ вправе заметить, что, если сравнение «от партий к географической структуре» не получается из-за несравнимости или, по крайней мере, изменчивости, «ползучести» партий разных периодов, более надежным будет обратный взгляд — «от географической структуры к партиям».

Географический подход, связывающий результаты выборов с пространственными социально-экономическими и культурными различиями и, в частности, с использованием модели «центр—периферия», обоснован прежде всего при изучении голосований, на которых происходит становление политической структуры, переход ее к новому состоянию — как раз такие, как взятые В. Колосовым за точки отсчета голосования 1917 и 1991–1993 гг.¹⁵

¹⁵ Показательно, что классические работы А. Зигфрида, которые выявили существование устойчивых политико-географических структур, появились во Франции — стране, отличающейся в Новое время революциями и частыми сменами политических режимов. В исследованиях по географии выборов США особое внимание уделяется изучению поворотных «критических выборов», на которых нарушается инерционность партийно-политической системы: за двести лет американской государственности насчитывают шесть таких поворотов, от разделения на республиканцев и федералистов на рубеже XVIII–XIX вв. до победы неоконсерваторов Р. Рейгана).

В промежутках между «критическими», переломными голосованиями политические предпочтения отличаются большой инерционностью. При количественном анализе самым сильным фактором, объясняющим результат какой-нибудь партии или политика, оказываются, как правило, голоса, полученные ими на предыдущих голосованиях. «Политическая память», традиции голосования за одно и то же политическое направление оказываются мощной силой, которая закрепляет сложившийся «на переломе» географический рисунок влияния партий и препятствует, хотя и не отменяя полностью, процессам пространственной диффузии — насколько последние могут быть действенными при отключении механизмов «политической памяти», мы видели на примере коммунистов¹⁶.

Модель «диффузии инноваций» в стабильных партийных системах можно применять скорее к новым политическим силам, которым удается вклиниться в уже сложившийся спектр, найти себе нишу — это, скажем, «зеленые» и «новые правые» в Европе последних десятилетий, — но очагом таких инноваций вовсе не обязательно должны служить центры и ареалы экономической, технической, научной инновативности. Больше того, находит подтверждение модель, что инновации возникают не в ядре прежней системы, а на ее периферии, где она встречает меньше препятствий¹⁷.

На российских выборах последних лет самой «инновативной» частью страны можно считать «Севера», от Дальнего Востока до Европейского Севера, которые оказываются областью протестного голосования с пониженной, маргинальной поддержкой и «коммунистов», и «демократов». Здесь получали наибольшую поддержку новые партии и лица, которые вторгались в размеренное противостояние «левых» и «правых», играя роль «третьей силы»: в 1993 г. — ЛДПР (не полностью, но в немалой степени¹⁸) и «Женщины России», в 1996 г. — А. Лебедь, в 1999 г. — блок «Единство».

С точки зрения классической, в духе Э. Валерстайна, теории «центр—периферия» такая территория очевидно подходит под определение полупериферии, самой динамичной и нестабильной части системы. Пусть так, — нам важно показать, что на «инновативность» могут претендовать разные типы территорий, что создает основу для «конфликта интерпретаций» в общественном сознании.

¹⁶ Разумеется, сами партии, сохраняя идеологические «опознавательные знаки» для избирателей, меняются, учитывая изменение настроений своих сторонников, удачные находки конкурентов; говоря по-гераклитовски, «нельзя дважды выбрать одну и ту же партию». Изучение диффузии идей, лозунгов, программ от партии к партии (известный пример из нашей истории — как пришедшие к власти большевики взяли на вооружение аграрную программу эсеров) должно быть темой «числовой» политологии, а не политической географии, но результаты подобного исследования были бы очевидно интересны и для географов, способных внести вклад в их интерпретацию.

¹⁷ Иллюстрацией, близкой к нашей теме и при том хрестоматийно известной, может служить ленинская идея о более свободном, по «американскому» пути, развитии аграрного капитализма на окраинах, в отличие от «прусского», с феодальными пережитками, пути в историческом ядре страны. Адекватность самой модели, предложенной в «Развитии капитализма в России», — она вызывала немало возражений у современников — отдельная тема, обсуждение которой увело бы нас в сторону.

¹⁸ Представление о голосовании за ЛДПР в 1993 г. как об исключительно «консервативном» неточно и неполно. Наглядное представление о его характере дает график поддержки ЛДПР — он оказывается «двугорбым», причем один максимум приходится на консервативные регионы, другой — на реформаторские (Боксер и др., 1995, с. 105–106).

В социальном, культурном развитии гораздо труднее, чем в научно-технических процессах, прочертить прямую линию прогресса, здесь скорее встречаются пучки разнонаправленных путей развития, на каждом по-своему происходят изменения и обновление. Скажем, в Европе XVI–XVII вв. и Реформация, и Контрреформация вели от прежнего средневекового уклада к Новому времени.

Политический опыт не дает однозначного подтверждения тезису, который отождествляет города, «городские» классы и политические силы с прогрессом и переменами, отводя глубинке роль пассивного получателя нововведений, которые оно принимает с большим или меньшим сопротивлением. Как быть, например, с Великобританией 80-х гг., когда лейбористы сохраняли за собой поддержку крупных городов, но инициатива, «инновативность» явно были на стороне консерваторов, правительства М. Тэтчер, с Германией того же времени? У нас в стране В. Ленин, гордо объявивший, что «город всегда ведет за собой деревню», оказался последним на долгие десятилетия руководителем страны — выходцем из большого города, вслед за которым во главе государства один за другим пребывали выходцы из сел и рабочих поселков, обустроивавшие Россию по своему деревенскому или местечковому разумению.

С привычным делением на «революционное, прогрессивное» и «реакционное, консервативное» тоже все непросто. Политическое развитие традиционно описывается как борьба «левых» и «правых», «верхов» и «низов» — и кто решится утверждать, что, к примеру, «левое» или «верхнее» должно быть «прогрессивнее» и «инновативнее», чем «правое» или «нижнее»; что новое должно происходить обязательно «справа» и «сверху» — или наоборот? На российском примере мы видим, как соперничающие политические силы легко приходят к соглашению, кто из них «левый» и «правый»¹⁹, но готовы до последнего спорить за возможность называться «передовым» и «прогрессивным» — таковы установки европейской культуры Нового времени с ее представлениями о линейном необратимом развитии, о прогрессе как переходе от худшего к лучшему.

Любой автор, описывающий политико-географическую действительность, имеет все основания называть «инновативными» и «прогрессивными» именно те регионы, в которых побеждают идеи и партии, отвечающие его предпочтениям. Примером того служат оценки результатов апрельского референдума в аграрном «красном поясе» (к слову, именно тогда это обозначение вошло в политический оборот применительно к России), где большинство голосовало против доверия Б. Ельцину и его политике. С точки зрения «демократов» — «это российская Вандея, которая воспримет реформу со временем, но воспримет их, наверно, *последней* среди российских регионов» (Березкин, Смирнягин, 1993), с противоположной — «предстоит еще детально проанализировать, какие факторы способствовали *более быстрому* прозрению населения», но ясно, что «деревня и национальные регионы опережают страну в целом на 2–3 года по степени напряженности противоречий» и «причину следует искать в том, что сельскохо-

¹⁹ Поучительно вспомнить, что еще в 1989–1990 гг. «левыми» назывались демократы, сторонники более решительных, чем намечала союзная власть, преобразований, а «правыми» — коммунисты-консерваторы, но за следующие год-два «левые» и «правые» без споров, плавно и бесшумно, как партнеры в вальсе, поменялись местами, взяв себе обозначения противников.

зяйственное производство, а вместе с ним весь строй жизни земледельческого класса *первыми* уперлись в тупик насильственной, дикой капитализации <...> Если рабочие захвачены *до сих пор* своими цеховыми интересами, то крестьяне в большинстве своем уже поднимаются до интересов общенародных» (Фролов, 1993).

Пространственным выражением «конфликта интерпретаций» за право считаться «положительной», «правильной» политической силой служат взаимоисключающие концентрические («центр, ядро — окраины, периферия») модели страны. И «демократы», и «коммунисты» применяют одновременно как концентрические, так и диаметральные («север—юг») модели описания, которые часто не различаются и переходят одна в другую. При этом, если диаметральные модели согласованно отдают север страны «демократам», а юг — «коммунистам», то в концентрических моделях каждая из политических сил приписывает себе центральное положение, вытесняя противников на периферию. Для «демократов» центром служат столицы и вообще крупные города, отличающиеся от «глубинки» более реформаторскими предпочтениями, у «коммунистов» выделяется историческое ядро, коренные центральные области²⁰, противостоящие реформам, и «ориентированные на внешний мир» сырьевые, приморские и пограничные окраины (подробнее см.: Титков, 1999). Здесь отчетливо проявляется одна из черт мифологического восприятия — «*наш мир* всегда в центре», а окраины заполнены мраком, хаосом и чудищами (Элиаде, 1994, с. 36).

Попробуем оценить «прогрессивность» и «инновативность» партий, рассматривая их базу поддержки в двух привычных масштабах. Более крупный — Россия как страна «отстающая» и «догоняющая» по отношению к Европе, из которой приходят импульсы к нововведениям: градиент «запад—восток», который прослеживается и во «внешней» Европе, и внутри России. Внутренний — столицы и крупные города как источник нововведений, из которого они распространяются в остальную страну, сельскую и мелководскую.

Партия конституционных демократов, с одной стороны, пользовалась наибольшей поддержкой в столицах, крупнейших городах среди наиболее образованных избирателей, что соотносится с выдвигавшимися кадетами требованиями конституционного устройства, гражданских и политических свобод, намечавшими переход от самодержавия к европейским парламентским демократиям. С другой, в самом остром вопросе социально-экономической жизни — в земельном — кадеты выступали резко против перехода к подворной земельной собственности и разрушению общины — института, который с эволюционной точки зрения был очевидным пережитком, уже отмершим в Европе и в наиболее развитой части России — Польше, Западном крае. Как следствие, за пределами городов оплотом кадетов оказался восточный, самый отсталый, пояс губерний Европейской России.

Сами кадеты, видимо, соглашались с пространственно-временной моделью, по которой с востока на запад представлены стадии жизненного цикла общины от зарождения

²⁰ Своеобразная перекличка с публицистикой начала века об «оскудении центра», в которой центром страны тоже принималось Черноземье, вообще-то не бывшее историческим ядром ни Киевской, ни Московской Руси.

до разложения и исчезновения²¹ и, значит, могли предполагать, что, выступая против разрушения общины, они защищают скорее прошлое, чем будущее. Приходить к такому выводу им, конечно, не хотелось, так что неудивительно, что мои поиски кадетских самоописаний их пространственной базы пока были малоуспешными: попадались в основном рассуждения о «всеобщей» и «всенародной» поддержке.

Если додумать и достроить за кадетов картину мира, в которой одинаково прогрессивными оценивались бы и демократические реформы, и сохранение общины — то мы получаем позицию кадетских «друго-врагов» слева — социалистов-народников с их идеей особого пути России к социализму. Таково географическое выражение «непоследовательности», «нерешительности» кадетов, в которой их упрекали социалисты.

Противоположное соотношение представляют собой умеренные правые и националисты — представители Западного края, на которых опирался в Думе А. Столыпин: поддержка «европейской», рыночной аграрной реформы и одновременно защита самодержавного строя и национального неравноправия.

По географической базе напрашивается аналогия кадетов с демократами-реформаторами 1990-х гг.: тоже «городские», «северные» (что во многом равнозначно «городскому») и одновременно «восточные». Их северо-восточный бастион описывается ими как с более «живой», с более высокой социальной мобильностью, в частности, миграционной активностью (см., например: Березкин, Смирнягин, 1993), — но одновременно справедливы и описания их противников: сырьевые районы, представляющие отсталый первичный сектор хозяйства (лыко в строку в обвинениях вроде: «стремятся превратить Россию в отсталый сырьевой придаток, разрушают промышленность и распродают национальные богатства»).

Противопоставление «западников» — марксистов и «почвенников» — эсеров тоже не совсем справедливо. Хотя социал-демократические идеи раньше всего распространились в Западном крае среди евреев и поляков (Скворцов, 1900, с. 10), а общероссийская социал-демократическая партия появилась позже, чем польская (1893), литовская (1896) и еврейский Бунд (1897), и ведет свою историю от съезда в Минске²², все же была скорее великорусской по составу и направлению, особенно большевистское крыло, и противники нередко называли эсдеков, как и эсеров, наследниками русского бунта, разинщины и пугачевщины²³. С другой стороны, партия эсеров ведет историю и от существовавшей

²¹ Показательна речь А. Шингарева во второй Думе, где он сообщает, ссылаясь на исследования народника Р. Качоровского, что «общины на востоке Сибири еще нет, что она начинает складываться на ближнем Востоке, в центре Сибири, она живет на Урале и на востоке России; она хиреет в центре России, она начинает хворать и распадается и распадается совсем на западе и юго-западе», — и при том безусловно порицает закон о выходе из общины (цит. по: Герье, 1907, с. 248).

²² Минск оказался местом Первого съезда РСДРП не потому, что был одним из центров марксистского движения. Помог «отбор» полиции, разгромившей марксистские организации в Петербурге и Москве, а потом создавшей невозможные условия для проведения съезда в Киеве.

²³ «Нельзя не признать в этих мнимо передовых рассуждениях волжских марксистов отголоска дикой старины! То, что лет сто с лишним назад подразумевалось на Волге под лозунгом «Сарынь на кичку!», то облечено теперь в научные термины «соотношение общественных сил» (Герье, 1907, с. 240).

в Западном крае в 1897–1900 гг. Рабочей партии политического освобождения России, давшей таких известных деятелей, как Г. Гершуни и Е. Брешко-Брешковская²⁴.

У русских социал-демократов при всем «равнении на Европу» с самого начала прослеживаются нотки особого «обгоняющего» пути страны: достаточно вспомнить манифест РСДРП, принятый на первом съезде: при том, что «Россия все это время оставалась, по-видимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения» — «чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата» (цит. по: КПСС в резолюциях..., 1954, с. 12–13). Позднее похожие идеи были взяты на вооружение большевиками — вспомним ленинский тезис о «самом слабом звене в цепи».

Опять трудно удержаться от скачка в наше время, к последним думским выборам 1999 г., где неожиданно похожие мысли проявились в одном из манифестов СПС, нынешних «западников»: «Россия не может и не должна повторять печального опыта западных стран, в которых установилась двухпартийная система: левые — правые. Потому что эта система основана на определенной недосказанности, недовершенности того пути, по которому левые влекут свои страны и народы все дальше и дальше. Проще говоря: на Западе существуют левые партии, потому что на Западе не было социалистической революции. То будущее, куда направлен вектор западного развития, для нас уже преодоленное прошлое» (Улюкаев, 1999) — опять отсталость вдруг оборачивается преимуществом.

Раз начавшись, рассуждения об особом пути России в мире — или, наоборот, совсем не особом, типичном для стран догоняющей модернизации — могут продолжаться сколь угодно долго, все дальше уходя от темы сравнительной географии политических предпочтений. Лучше остановиться.

²⁴ Другие группы — Союз социалистов-революционеров, который был основан в Саратове, но скоро перенес штаб-квартиру в Москву (так называемые «северные» эсеры), и объявленная на съезде в Воронеже в 1897 г. Партия социалистов-революционеров («южные» эсеры). Со слияния в 1901 г. «северных» и «южных» эсеров ведется отсчет общероссийской партии эсеров.